

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

*кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии
Института социологии НАН Украины*

Социальная легитимация украинской государственности: методологические и методические проблемы изучения

Abstract

The paper presents methodological and procedural aspects of the Ukrainian statehood legitimization. The following empirical indicators of legitimacy have been analyzed: declarative attitudes, factual judgments, rational judgments, as well as emotional and evaluative judgments of Ukrainian citizens about their native land and state. The author suggests studying new legitimization of Ukrainian statehood with the help of attitude and practices of the population.

Стабильность и интеграция обществ, обретающих государственность, прежде всего зависят от восприятия населением собственной страны как политически институционализированной. Учитывая риски политической нестабильности, окончательная легитимация украинской государственности остается актуальной социальной проблемой. Сложные процессы гражданской самоидентификации украинского социума проходят в условиях социальных противоречий между носителями украиноцентричных и реинтеграционных в отношении бывшего Союза предпочтений. Не случайно изучению проблемы поддержки независимости Украины, восприятия страны и путей ее развития посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых. Однако их анализ свидетельствует о наличии существенных различий в индикаторах измерения общественного мнения, в частности, в плане

легитимации государственности¹. Вместе с тем социологические исследования фиксируют изрядную амбивалентность вербального и реального политического поведения населения. Таким образом, возникает потребность в систематизации методик исследования этой проблемы и выделения наиболее перспективных.

В связи с этим проанализируем индикаторы, по которым операционализируются социологические показатели легитимности. За основу возьмем типологию суждений, предложенную Е. Головахой, а именно деление их на декларативно-установочные, фактологические, рационально-оценочные и эмоционально-оценочные [1, с. 7].

Относительно легитимации украинской государственности *фактологические суждения* фиксируют наличие в жизни человека событий, непосредственно связанных с вопросами суверенитета, государственного устройства. Эти показатели отражают также сферы жизни индивида, касающиеся его взаимодействия с государственными и правозащитными учреждениями. Социологических исследований, посвященных фактологическим суждениям, которые бы непосредственно затрагивали вопросы легитимности украинской государственности, очень мало. Однако подобные суждения могут не отражать действительного поведения людей, особенно когда речь идет о событиях, весьма отдаленных. Ярким свидетельством может служить опрос центра “СОЦИС” в марте 1996 года, когда были применены фактологические индикаторы. На вопрос “Как Вы голосовали на референдуме 1 декабря 1991 года?” только 50% опрошенных утверждали, что на минувшем референдуме они высказались позитивно (эта цифра колеблется между 10% в Крыму и 76% — что также значительно меньше, чем в действительности было зафиксировано на заре независимости, — в Западном регионе). 32% респондентов заявили, что не участвовали в референдуме, что также не соответствовало действительности (в референдуме приняли участие почти 85% взрослого населения Украины) [2, с. 93–94]. И хотя спустя десятилетие после декабрьского референдума 1991 года вполне естественно увеличилось количество тех, кто на самом деле в момент референдума был несовершеннолетним, аналогичные результаты были получены и в августе 2002 года, когда только 47,5% опрошенных Центром им. А. Разумкова отметили, что поддержали провозглашение независимости Украины, 28,8% заявили, что не голосовали, 11,5% — что не поддержали провозглашение независимости, 11,9% — что не помнят [3].

Утрата государством экономических возможностей для реализации своих традиционных патерналистских функций при сохранении устойчивых проявлений патерналистских настроений населения посткоммунистической страны привела к фрустрации массовых ожиданий, особенно социально-экономических, связанных с перспективами украинской независи-

¹ Процесс легитимации государственности как социальный аспект институционализации в первую очередь предполагает формирование согласия граждан с политико-экономической и административно-территориальной структурой и системой удовлетворения их социокультурных потребностей. Исходя из этого, государственность может считаться легитимной, если: 1) общество в целом признает социальные правила для экономических отношений, взаимоотношений между центром и периферией, порядка удовлетворения социокультурных потребностей (а значит, не противодействует этим правилам); 2) в обществе доминирует идентификация с собственной страной и наличествует гражданская солидарность.

мости начала 1990-х, что стало одной из причин роста эмоционального “протестного” неприятия украинской государственности [4, с. 112].

К *рационально-оценочным суждениям* следует относить те показатели, которые характеризуют мнения людей о рациональности и целесообразности тех или иных политических решений (“согласен — не согласен”, “правильно — неправильно”), связи этих решений с интересами людей. Такие показатели выявляют степень декларативной поддержки или отрицание разных направлений развития общества, суверенитета страны.

Еще до обретения Украиной независимости украинские социологи изучали общественное мнение касательно путей развития Украины, ее национального суверенитета. Опросы киевлян в 1990 и 1991 годах показали неоднозначные тенденции в изменениях общественного мнения. Благодаря применению показателей, выявлявших рационально-оценочные суждения, удалось зафиксировать повышение осторожности киевлян в 1991 году в плане обретения атрибутов реального суверенитета в связи с возможной дестабилизацией политической обстановки. Вместе с тем исследования позволили зафиксировать тенденцию роста популярности в массовом сознании горожан идеи создания независимого Украинского государства: если в 1990 году большинство из них все еще выступали против выхода Украины из состава СССР, то в июле 1991-го, накануне путча, уже доминировали сторонники выхода, среди которых возросло и количество настроенных на немедленное отделение [5, с. 104].

После провозглашения Украиной независимости перед страной встал вопрос, касающийся такого важного атрибута государственности, как границы. Если на западе страны тогдашние советские границы автоматически стали украинскими и массовому сознанию не пришлось конструировать их заново, то границы с Молдовой, Беларусью и Россией для подавляющего большинства населения оказались неожиданной преградой в привычной структуризации постсоветского пространства. Со временем произошел хотя и болезненный, однако неминуемый процесс реструктуризации. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные в рамках социологического мониторинга 2003 года¹. В ответ на вопрос о режиме на государственной границе 24,7% респондентов подчеркнули, что необходимо вернуться к состоянию, которое было во времена СССР. Оставить ситуацию без изменений согласились 10,1% опрошенных. Усилить пограничный контроль, но без виз для бывших граждан СССР предлагали 25,8% респондентов, тогда как на введении визового для всех иностранцев режима настаивали 12,8% опрошенных. Не определились в этом вопросе 26,9% украинских граждан. Таким образом, около четверти жителей Украины продолжали структурировать социальное пространство в том виде, к которому привыкли в течение длительного отрезка жизни: среди этой группы респондентов, разумеется, оказалось больше всего людей пожилого возраста. Однако можно констатировать, что почти полови-

---

¹ Ежегодный социологический мониторинг Института социологии НАН Украины проводится с 1994 года (разработчики программы — Н.Панина и Е.Головаха). В 2002 году специальной комиссией (В.Ворона, Н.Панина, Ю.Саенко, Е.Головаха, К.Грищенко, А.Ручка, В.Тихонович, Н.Шульга, Е.Лысенко) разработана обновленная система социальных показателей. Расчетная выборка (авторы — Н.Панина, Н.Чурилов) охватывает 1800 человек, репрезентирующих взрослое население Украины (от 18 лет и старше) по полу, возрасту, образованию, типу поселения и областям.

на респондентов под влиянием реалий существования Украинского государства начинают по-новому конструировать социальное пространство.

В свою очередь Киевский международный институт социологии (КМИС) с конца 1991 года неоднократно проводил опросы взрослого населения, касавшиеся отношения к независимости Украины; в них применяются рационально-оценочные индикаторы. Методика определения поддержки независимости Украины базируется на том, что выбор в ответ на вопрос “Какими бы Вы хотели видеть взаимоотношения Украины с Россией?” вариантов “Они должны быть такими же, как с другими государствами: с закрытыми границами, визами, таможенными” и “Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами: с открытыми границами, без виз и таможен” означает поддержку независимости, тогда как выбор варианта “Украина и Россия должны объединиться в одно государство” означает отказ от независимости [подр. см.: 6]. Расчеты показали, что распространенность позитивного отношения к государственной независимости Украины среди ее граждан наиболее тесно связана с мерой удовлетворенности среди них состоянием дел в стране: коэффициент парной корреляции между этими переменными равен 0,92 (уровень значимости $p = 0,001$) [6, с. 46].

К *эмоционально-оценочным суждениям* следует относить те индикаторы, которые основываются на чувствах индивида (переживание симпатии/антипатии, надежды/сомнения, восторга/разочарования и т.п.) относительно страны проживания. Эти показатели позволяют выявить общую позитивную, негативную или нейтральную оценку предмета исследования (в нашем случае — государства, страны, суверенитета, политических институтов). К этой категории суждений относятся оценка гордости за свое гражданство и восприятие собственной страны проживания как Родины. Ниже мы приводим данные мониторингового исследования Института социологии НАН Украины [7, с. 81] (см. табл. 1). Для определения уровня гордости жителей Украины своим гражданством определялся средний балл по шкале, на которой ответ “совсем не горжусь” оценивался в 1 балл, ответ “скорее не горжусь” — в 2, “трудно сказать” — в 3, “скорее горжусь” — в 4, “очень горжусь” — в 5 баллов. Таким образом, величина среднего балла, характеризующая уровень гордости населения, может варьировать от 1 до 5 баллов. Значение, не превышающее 2 баллов, свидетельствует в целом об отсутствии гордости украинским гражданством. Средний балл, превышающий 3, в целом свидетельствует об определенном уровне гордости своим гражданством, а превышение 4 баллов — о доминировании этого чувства.

Как видим, данные свидетельствуют о существовании в массовом сознании едва заметного преобладания гордости за собственное гражданство. Сразу после “оранжевой революции” наблюдалось незначительное увеличение чувства гордости, но в 2006 году этот показатель несколько снизился до уровня 2002 года. Интересно, что, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 1994 год, страна как предмет гордости выступала реже, чем в контексте гражданской принадлежности [8, с. 223]. По мнению Ю. Левады, в понятие “страна” люди включают оценки ее нынешнего состояния и ее политических институтов, тогда как гражданство означает идентификацию с государством безотносительно к его меняющемуся состоянию [8, с. 223]. Хотя следует заметить, в украинской ситуации исследования фиксируют как колебания национально-государственной идентификации населения, детерминированные масштабными политическими

кими кризисами в 1993–1994 и 2001 годах, так и возрастание и стабилизацию в последние годы [см.: 9].

Таблица 1

Динамика распределения ответов на вопрос “В какой мере Вы гордитесь или не гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины?”

Варианты	2002	2003	2004	2005	2006
Совсем не горжусь	6,6	8,8	8,9	5,2	7,1
Скорее не горжусь	11,5	16,3	15,7	9,7	12,4
Трудно сказать	40,8	40,7	37,7	31,4	35,2
Скорее горжусь	30,8	27,9	30,0	38,3	33,2
Очень горжусь	10,1	6,2	7,7	15,3	11,9
Средний балл	3,3	3,1	3,1	3,5	3,3

Феномен интериоризированного гражданства тесно связан с феноменом Родины, выявленным В.Тихоновичем [10]. Эмоциональный характер этого феномена отражается в том, что как объект идентификации Родина относится к первичным реалиям социализации индивида (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика распределения ответов на вопрос “Воспринимаете ли Вы Украину как свою Родину?”*

Варианты	2002	2003	2005	2006
Да	84,2	76,7	90,6	89,5
Трудно сказать	11,7	16,8	6,1	6,9
Нет	4,1	6,4	3,3	3,6

* Данные за 2002, 2003, 2005 годы являются результатами мониторингового исследования Института социологии НАН Украины, $N = 1800$; за 2006 год — опроса Института социологии НАН Украины в рамках общенационального репрезентативного опроса “Общественное мнение в Украине–2006”, проведенного методом раздаточного анкетирования Институт социологии НАН Украины в апреле–мае 2006 года (координатор проекта — А.Стегний; выборка $N = 1800$, репрезентативная для взрослого (старше 18 лет) населения 24 областей Украины, АР Крым и г. Севастополя).

Кроме этого, оказалось, что люди, большая часть детства которых прошла за пределами Украины, в меньшей мере идентифицируют Украину как свою Родину, чем родившиеся на этой территории¹. То есть место рождения, территория, где проходило детство, является важным пространственным объектом, эмотивно усваивающимся в ходе первичной социализации. “Функция “места рождения” — первичная социализация человека, определяемая взаимодействием генетических, семейных, школьных “уличных” ее программ. Обращение к ней во взрослом состоянии — элемент индивидуального, сугубо внутреннего самоутверждения, демонстративная (то есть демонстрируемая самому себе) идентификация с родительской традицией, а в то же время и с

¹ Об этом свидетельствует анализ ответов групп людей, чье детство проходило как в Украине, так и за ее пределами, на вопрос “Воспринимаете ли Вы Украину как свою Родину?”. Мониторинговое исследование 2005 года показало, что среди тех, чье детство прошло в Украине, 92,9% воспринимают ее как свою Родину; тогда как среди тех, чье детство прошло за пределами Украины, таких 64,2%.

собственной “детской” моделью интегрального мира, которая сохраняет свое значение в многоэтажной структуре личности” [11, с. 7].

Так, в мониторинговом исследовании Института социологии НАН Украины 2002 года из всех предложенных вариантов наиболее часто упоминавшимся оказалось представление о своей Родине как “месте, где родился и вырос” (64,2%). То есть речь идет “не столько о внешних объективных составляющих жизнедеятельности, сколько о глубоких субъективных восприятиях этого феномена на уровне переживаний, не столько о работе ума, сколько о работе “сердца” (“души”)” [10, с. 143]. В том же исследовании из приведенных суждений относительно Украины 86,1% опрошенных выбрали суждение “это моя страна” и только 2,4% — “это чужая для меня страна”. Семантическое значение варианта ответа “это моя страна” отражает эмоциональное восприятие государственно-правовых и политических структур. Как отмечает Ю.Левада, “на этом уровне принадлежность (гражданская), подчинение регулятивной системе (правовой или заменяющей ее), державное самоопределение (по отношению к остальному миру) и “просто” символическая идентификация (с такими категориями, как история, земля, народ) непосредственно выступают факторами предельной интеграции общества” [11, с. 7].

Впрочем, в отличие от понятия “Родина”, вопрос государственной независимости страны ассоциируется прежде всего с верховенством и независимостью власти, политической самостоятельностью и независимостью государства в политической и хозяйственной деятельности. То есть речь идет о ценности категории “Украина” в смысле независимой страны. Из таблицы 3 видно, что для довольно весомого количества респондентов важен национальный суверенитет. Об этом свидетельствует тот факт, что данный показатель превышает 4 балла: такая величина среднего балла означает доминирование важности государственной независимости.

Таблица 3

Ответы на вопрос “Оцените уровень важности лично для Вас государственной независимости страны”*

Варианты	2002	2003	2006
Совсем не важно	2,0	2,5	3,3
Скорее не важно	4,8	3,4	4,7
Трудно сказать, важно или нет	18,4	20,0	18,5
Скорее важно	29,7	32,6	37,2
Очень важно	45,1	41,5	36,3
Средний балл	4,1	4,1	4,0

* Данные за 2002–2003 годы являются результатами опроса мониторингового исследования Института социологии НАН Украины, $N = 1800$; за 2006 год — опроса Института социологии НАН Украины в рамках опроса “Общественное мнение в Украине — 2006”, $N = 1800$.

К декларативно-установочным суждениям следует отнести показатели, касающиеся готовности людей действовать тем или иным способом в определенных общественных обстоятельствах. Показатели данной категории суждений в совокупности отражают особенности декларативного уровня массового сознания в его эмоциональной, рациональной и поведенческой составляющих. Поэтому данные показатели наиболее полно отражают предмет исследования.

В этом контексте особое значение приобретает выявление поведенческих установок граждан в отношении украинской государственности. Как свидетельствует опрос, проведенный Фондом “Демократические инициативы” в 1995 году в Киеве, Донецке, Львове и Симферополе¹, отвечая на вопрос “Если бы референдум по вопросу о независимости Украины состоялся сейчас, каким был бы Ваш выбор?”, 47,3% избирателей проголосовали бы в пользу независимости Украины; 21,1% — против независимости; 18,7% не приняли бы участия в референдуме; 12,8% затруднились с ответом. Таким образом, несмотря на уже упоминавшееся возрастание эмоционального “протестного” отношения к украинской государственности в первые годы независимости, почти половина взрослого населения уже в середине 1990-х годов была готова вновь поддержать идею национального суверенитета.

Это подтверждают данные ежегодных опросов Центра им. А.Разумкова накануне Дня Независимости, любезно предоставленные нам заместителем директора социологической службы этой организации М.Мищенко² (см. табл. 4). К тому же в последние годы зафиксировано усиление декларативной поддержки возможного референдума относительно провозглашения государственной независимости Украины и уменьшение доли тех, кто не стал бы в нем участвовать. Симптоматично и то, что несмотря на революционный всплеск социального оптимизма в начале 2005 года и возвращение в 2006 году аттитудов населения по большинству общественных проблем преимущественно на исходные позиции, поддержка независимости Украины сохранила свои позиции.

Весьма непривычный вопрос был предложен респондентам 20–27 декабря 2005 года ($N = 2009$) социологической службой Центра им. А.Разумкова: “Готовы ли Вы защищать свою страну в случае войны?” Хотя утвердительные ответы в целом количественно намного превышали отрицательные, обнаружилось заметные региональные различия по такого рода декларативно-установочным суждениям (см. рис.). Если на Западе прогнозированно набралось две трети возможных патриотов, то почти столько же жела-

¹ Социологическое исследование “Социально-политический портрет четырех городов Украины” проведено методом анкетирования в мае 1995 года Фондом “Демократические инициативы”. Квотная выборка в сочетании с маршрутным методом (авторы — Е.Головаха, И.Бекешкина) охватывает 400 респондентов в каждом городе, являющихся гражданами в возрасте более 18 лет, не находящимися в данный момент в больнице или в заключении и не проходящими срочную воинскую службу. Погрешность репрезентативности по основным социально-демографическим показателям не превышает 5,0% (см. : <http://www.queensu.ca/csd/ukarchive/US950501/US950501DESC.HTM>).

² Исследования проведены социологической службой Центра им. А.Разумкова: с 14 по 23 августа 2001 года во всех регионах Украины (опрошено 2007 респондентов в возрасте от 18 лет, погрешность выборки — 2,3%); с 7 по 16 августа 2002 года во всех регионах Украины (опрошено 2004 респондента в возрасте от 18 лет, погрешность выборки — 2,3%); с 4 по 12 августа 2003 года во всех 2019 респондентов в возрасте от 18 лет, погрешность выборки — 2,3%); с 22 по 28 июля 2004 года во всех регионах Украины (опрошено 2014 респондентов в возрасте от 18 лет, погрешность выборки — 2,3%); с 5 по 12 августа 2005 года во всех регионах Украины (опрошено 2011 респондентов в возрасте от 18 лет, погрешность выборки — 2,3%); с 12 по 18 июля 2006 года во всех регионах Украины (опрошено 2012 респондентов в возрасте от 18 лет, погрешность выборки не превышает 2,3%). Во всех исследованиях использовалась многоступенчатая случайная выборка с квотным отбором респондентов на последней ступени, репрезентативная для взрослого населения Украины.

ющих защищать свою страну оказалось и на Юге, тогда как в Центре таких — больше половины. Меньше всего тех, кто будет защищать страну в случае войны, зафиксировано на Востоке — 42,1% опрошенных, однако их количество перевесило количество ответивших отрицательно. Примечательно, что “государственных нигилистов” на Востоке насчитывается больше всего в сравнении с другими регионами — треть [12].

Таблица 4

Ответы на вопрос “Если бы референдум относительно провозглашения государственной независимости Украины проходил сегодня, то как бы Вы на нем проголосовали?”, %

Варианты	Август 2001	Август 2002	Август 2003	Июль 2004	Август 2005	Июль 2006
Поддержал бы независимость Украины	50,7	48,2	46,5	53,1	59,5	58,8
Не поддержал бы независимость Украины	28,8	33,6	29,8	27,6	19,6	20,1
Не участвовал бы в референдуме	19,3	17,1	13,3	9,0	9,9	9,4
Трудно ответить	?	?	10,4	10,1	10,8	11,6
Не ответили	1,2	1,1	0,0	0,2	0,2	0,1

* В августе 2001 и в августе 2002 годов в опросниках отсутствовал вариант ответа “трудно ответить”.

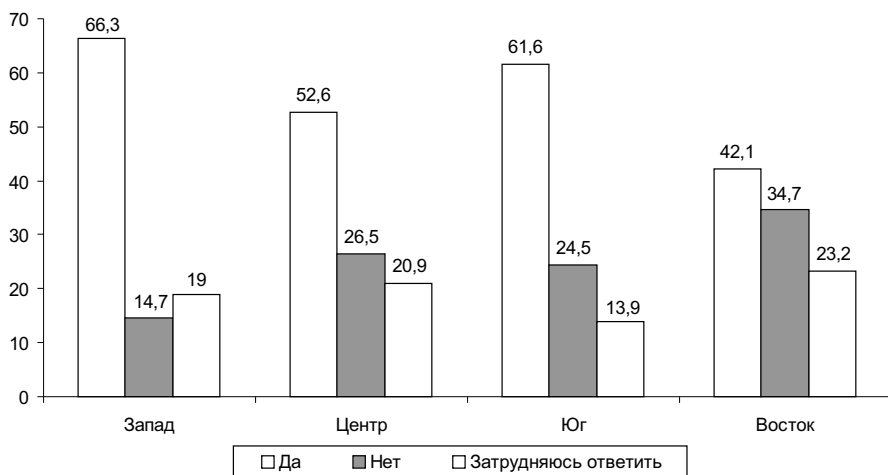

Рис. Региональное* распределение населения Украины на основании ответов на вопрос “Готовы ли Вы защищать свою страну в случае войны?”.

*Регионы:

Запад (Волынская, Ривненская, Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская, Закарпатская, Черновицкая области);

Центр (Житомирская, Киевская (вместе с Киевом), Сумская, Черниговская, Винницкая, Кировоградская, Полтавская, Черкасская, Хмельницкая области);

Юг (АР Крым, Николаевская, Одесская, Херсонская области);

Восток (Днепропетровская, Запорожская, Харьковская, Донецкая, Луганская области).

Итак, показатели легитимности свидетельствуют о доминировании в целом позитивного массового отношения к Украине как собственной стране и государству. Применение показателей, раскрывающих декларативно-установочные, рационально-оценочные и эмоционально-оценочные суждения респондентов по различным аспектам социальной легитимности украинской государственности, безусловно, является важным шагом к ее познанию. Однако следует учитывать, что феномен украинской государственности неразрывно связан с историческим опытом стремления населения интегрироваться в более широкое государственно-территориальное сообщество. До сих пор ведутся дискуссии о том, к какому типу социальных феноменов (эту типологию предложил Е. Головаха [13]) следует отнести синдром украинской государственности: к универсальным феноменам неприятия собственной государственности, которое в нашем случае якобы кроется в глубинных этнокультурных корнях антигосударственности украинцев; к периодическим феноменам, когда после очередного обретения независимости возникает потребность в интеграции, в данном случае с Россией; или к кумулятивным феноменам, когда вследствие разных внешних влияний идея государственности постоянно запаздывает, но никогда не исчезает? Так или иначе, одновременная популярность среди населения Украины двух геополитических векторов — восточнославянского объединения и Европейского Союза — свидетельствует о наличии амбивалентности внешнеполитических предпочтений украинского общества.

Разумеется, рассматривая проблему социальной легитимации украинской государственности, нельзя недооценивать результатов социологических исследований относительно внешнеполитических ориентаций населения, однако нужно помнить о феномене несовпадения вербального и реального поведения. Нужны “более весомые основания, нежели “самоотчеты” респондентов, полученные в ответах на прямые вопросы анкеты” [14, с. 112–113]. Именно подход, основанный на фактологических суждениях населения, позволил выявить феномен субъективного обнищания, когда стереотипное видение общественного развития, а не объективное состояние, обуславливает видение собственного материального положения [14, с. 30–35]. Отсутствие однозначности В.Оссовский объясняет тем, что “сталкиваются разные специализированные и повседневные идеологии и системы декларируемых и признанных ценностей, когда их интернализация и превращение в ценности еще не свершились окончательно, когда ориентацию на принципы и ценности экономической жизни, непосредственно связанные с удовлетворением жизненных потребностей и будничных интересов, корректирует практика повседневности, а другие, политические и социокультурные ценности, корректирует реальное состояние унаследованного от тоталитарного прошлого отчуждения масс от политической практики, в результате чего они интернализируются в лучшем случае на уровне признания, но не становятся регуляторами практических социальных действий на политическом поле” [15, с. 120–121].

По мнению В.Тихоновича, в проективной ситуации (речь идет о субъективных представлениях), люди отдают предпочтение тем или иным видам деятельности, сознательно ориентируются на собственные потребности и интересы, одновременно испытывая влияние общественного мнения и эффектов массового сознания. То есть в данном случае выясняется психологическая

сторона привлекательности какого-либо объекта. Реальные занятия, напротив, обнаруживают институциональную сторону деятельности [16, с. 517].

Феномен амбивалентности геополитических ориентаций населения не в последнюю очередь обусловлен незавершенной институционализацией политического пространства Украины. В течение 1990-х годов формирование государственной вертикали способствовало централизации политического механизма государства. Но с введением политической реформы, когда парламентско-президентская форма правления сделала более выраженной разновекторность (реальную или мнимую) внешнеполитических взглядов политических элит, процесс повторной институционализации (реинституционализации) политического пространства влечет за собой очередной виток нестабильности. Поэтому рассматривая проблему легитимности государственности в условиях общественных трансформаций, нужно учитывать особенности формирования поведения людей.

Опираясь на фундаментальные положения структурно-функциональной социологии и на собственные многолетние исследования, Н.Панина разработала концептуальную модель ценностно-нормативной регуляции социального поведения людей и особенностей детерминации их психологического состояния в условиях стабильного и нестабильного общества [17, с. 6–7]. В стабильном обществе поведение членов сообщества регулирует ценностно-нормативная система как непосредственно через ролевые ожидания относительно поведения людей с разными социальными статусами, так и опосредованно — формируя сознание. В нестабильном обществе, где ценностно-нормативная система разрушается и возникает состояние аномии, поведение обуславливается прежде всего особенностями индивидуального сознания его членов. Решающее значение приобретает аффективный, когнитивный и нравственный потенциал индивидуальных особенностей сознания и поведения людей.

Феномен двойной институционализации обуславливает то, что объективные действия очень часто не совпадают с вербальным отношением индивидов к тем или иным проблемам. Поскольку реинституционализация — феномен временный, то постепенно появляется место для неинституционализованного социального пространства, которое и является источником институциональных инноваций. В такой ситуации, по мнению Е.Злобиной, особую роль в процессе общественных трансформаций приобретает личностная субъектность. В кризисные периоды ситуация реструктуризации социальной реальности приобретает для людей личностный характер. Они невольно вовлекаются в процесс преобразований. Именно неструктурированные образы желаемого, например образ будущей жизни, в значительной мере определяют поведенческие стратегии человека. В результате сознательной направленности социальных практик в сторону желаемых общественных изменений происходит актуализация скрытого потенциала, который сохранялся в культуре и вместе с новыми и обновленными символическими полями обеспечивает согласование трансформационного процесса в обществе. “Хотя практики меняются как реакция на состояние социальной структуры, субъекты не просто занимают имеющиеся позиции, но и создают их, продуцируя новые социальные отношения, и тем самым институционализируя новые социальные позиции” [18, с. 15].

Двойная институционализация украинского общества (в нашем случае — поддержка идеи независимого государства и высокий показатель ин-

теграционных устремлений к восточнославянскому союзу) обуславливает необходимость обращения к изучению объективных действий граждан. Именно сквозь призму этих действий нужно, по нашему мнению, изучать проблему легитимности государственности. Такими объективными действиями являются, в частности, социальные практики населения, которые, по мнению И. Поповой, служат “основой легитимации и любого вида согласия” [19, с. 131].

В этом ключе Н. Костенко обращает внимание на два типа легитимации идентичностей: легитимацию по аттитюду и легитимацию по факту, соотношение между которыми бывает разным в исторически особенных дискурсивных формациях. Она отмечает, что “легитимацию по установке, чем институционально контролируется причастность к культурной норме, все чаще заменяет легитимация по факту, поражающая своей результативностью и продуктивностью, то есть презумпция идентичности на основании культурного опыта” [20, с. 69].

При таких обстоятельствах изучение проблемы легитимации государственности должно осуществляться по аналогии с исследованием проблемы идентификации общественного мнения. Факторы методического происхождения, связанные с влиянием социального диморфизма (поочередной ориентации в своих действиях на публичную и частную ценностно-нормативные системы), часто усложняют выделение собственно общественного мнения. Как отмечает В. Оссовский, было бы весьма проблематично делать вывод, что полученные в первом приближении данные опроса действительно отражают сформированное общественное мнение целостных социальных субъектов. Поэтому, исследуя общественное мнение о социополитическом устройстве Украины, он выделяет из массива опрошенных именно тех субъектов, которые уже сформировали свое общественное мнение: ряд вопросов-фильтров, позволивших выяснить самооценку осведомленности респондентов о сути исследуемой проблемы, ее связи с их интересами и обсуждении ее в социальном окружении, дают возможность выделить “лидеров мнений”, взгляды которых отличаются от остальных [21].

В нашем случае следует ориентироваться на субъектов, проявляющих политическую активность. Именно политическая активность общества решила судьбу президентских выборов 2004 года.

В рамках омнибуса “Общественное мнение в Украине–2006”, проведенного Институтом социологии НАН Украины, мы предлагали респондентам ответить на вопрос “В каких общественно-политических мероприятиях Вы лично участвовали в течение последних 12 месяцев?”. Не вдаваясь в детали особенностей конвенциональных и неконвенциональных форм политического участия населения Украины [подр. см.: 22], мы отдельно выделили условную группу “активистов”: тех, кто участвовал хотя бы в одном общественно-политическом мероприятии (таких оказалось 35,3% опрошенных), и условную группу “абсентеистов”: тех, кто ни в одном из таких мероприятий участия не принимал (64,7% респондентов). И хотя удельный вес субъектов-“активистов” невелик, весьма значимой является их социальная функция. “Активисты” не столько являются источником формирования общественного мнения по поводу определенной социальной проблемы, сколько своей активной позицией могут функционально влиять на ее одобрение или сопротивление ей. Именно “деятельностная” функция “активистов” ставит вопрос о прогностической ценности той или иной социально-политической

проблемы. Поэтому позиция “активистов” служит содержательным показателем возможного “наполнения” неинституционализованного социального пространства. В связи с этим представляет интерес соотношение представлений о желаемом будущем Украины со склонностью к участию в общественно-политических мероприятиях (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос “Какое будущее Украины для Вас наиболее желаемое?” по группам “активистов” и “абсентеистов”, %, N = 1800

Пути развития	Население в целом	“Активисты” N = 635	“Абсентеисты” N = 164
Украина должна быть похожа на развитые страны Запада	34,6	45,7	28,4
Украина должна избрать самобытный, только ей одной присущий путь развития	24,8	22,5	26,0
Украина должна быть в составе восстановленного союза бывших советских республик	30,2	26,9	32,0
Трудно сказать	10,5	4,9	13,6

Очевидно, что среди “активистов” намного большей является доля тех, кто желает прозападного пути развития, чем тех, кто хотел бы реставрации СССР или предлагает выбрать самобытный путь развития. Среди “абсентеистов”, наоборот, статистически значимых различий в распределении ответов о путях развития не зафиксировано. Аналогичная картина наблюдается и в плане целесообразности вхождения Украины в Европейский Союз: среди “активистов” — 45,1% сторонников вступления Украины в ЕС и 28,5% противников, тогда как среди “абсентеистов” — соответственно 27,3% против 38,7%. Возможно, именно такой взгляд на проблему и преимущественно прозападная позиция региональных политических элит, как свидетельствуют результаты проведенного Е.Головахой в 2003 году экспертного опроса, который зафиксировал практически единогласную ориентацию руководителей районного уровня на европейскую интеграцию [23, с. 127–128], и объясняют парадоксальное, на первый взгляд, движение Украины на Запад, несмотря на амбивалентную геополитическую позицию населения.

Таким образом, изучение процесса институционализации новообразованной государственности, ее легитимации в рамках гражданских практик населения будет, по нашему мнению, полезным для получения адекватных знаний о транзитивных обществах. Во всяком случае предложенный подход может стать основой для разработки технологии фиксации эмпирических признаков процесса институционализации. Применение данной процедуры исследования позволит также наращивать социальные знания о закономерностях функционирования новообразованных государств.

Литература

1. Українське суспільство: соціологічний моніторинг 1994–2003 / За ред. Н.В.Паніної. — К., 2003.

2. *Стегній О.Г., Чурилов М.М.* Регіоналізм в Україні як об'єкт соціологічного дослідження. — К., 1998.

3. Сайт Центра им. А.Разумкова

http://www.uceps.org.ua/ua/opros/22/?show_q_id=7&idTema=0&m_razdel=102.

4. *Степаненко В.* Этнос–демос–полис: этнополитические проблемы социетальной трансформации в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 2. — С. 102–120.

5. *Головаха Е.Н., Панина Н.В., Чурилов Н.Н.* Киев:1990–91 (Социологические репортажи). — К., 1992.

6. *Хмелько В.* Макросоціальні зміни в українському суспільстві за 10 років незалежності // Політична думка. — 2001. — № 3. — С. 33–49.

7. *Панина Н.* Українське суспільство 1992–2006: соціологічний моніторинг. — К., 2006.

8. *Левада Ю.А.* “Человек советский” пять лет спустя: 1989–1994 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. — М., 1995. — Вып. II. — С. 218–229.

9. *Злобина Е., Резник А.* Гражданское пространство Украины: степень идентификации и факторы консолидации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 2. — С.177–194.

10. *Тихонович В.* Украина как субъективная социальная реальность // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 4. — С. 134–155.

11. *Левада Ю.А.* Человек в поисках идентичности: проблема социальных критериев // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1997. — № 4. — С. 7–12.

12. Патриотизм по-украински // Корреспондент. — 2006. — № 11. — С. 11.

13. *Головаха Е.И.* Исследование социальных феноменов эпохи постсоветизма: методология, теория, типология // Проблеми розвитку соціологічної теорії: Наукові доповіді та повідомлення першої Всеукраїнської соціологічної конференції. — К., 2001. — С. 13–19.

14. *Головаха Е.И.* Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине. — К., 1997.

15. *Оссовский В.* Общественное мнение о социополитическом устройстве Украины // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 4. — С.106–124.

16. *Тихонович В.О.* Життєві цінності та соціальна поведінка особистості // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. — К., 1999. — С. 510–524.

17. *Панина Н.* Молодежь Украины: структура ценностей, социальное самочувствие и морально-психологическое состояние в условиях тотальной анонимии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 5–26.

18. *Злобина О.Г.* Особистість як суб'єкт соціальних змін : Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. — К., 2005.

19. *Попова И.М.* Социальная практика как основа легитимации и согласия // Вісник Одеського національного університету. — Т. 8. — Вип. 9. Соціологія і політичні науки: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції “Соціальна політика і механізми інтеграції українського суспільства” 27–28 вересня 2002 року. — Одеса, 2003. — С. 128–134.

20. *Костенко Н.* Продуктування і легітимація культурних ідентичностей // Культура — суспільство — особистість : Навчальний посібник. — К., 2006. — С. 50–81.

21. *Оссовский В.Л.* Громадська думка: спроба соціологічної інтерпретації. — К., 1999.

22. *Резник О.* Громадянські практики населення України // Українське суспільство 1994–2006: моніторинг соціальних змін. — К., 2006. — С. 337–347.

23. Социология и политика. Материалы круглого стола и научной конференции социологов и политологов Украины и России (19–21 июня 2003 года) / Под ред. Е.Головахи, М.Погребинского. — К., 2003.